

5.5 / 5.1 ПРАВО

5.5 / 5.1 ҲУҚУҚ

5.5 / 5.1 LAW

5.5.1 НАЗАРИЯ ВА ТАЪРИХИ ҲУҚУҚ ВА ДАВЛАТ; ТАЪРИХИ ТАЪЛИМОТ ДАР БОРАИ ҲУҚУҚ ВА ДАВЛАТ

5.5.1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

5.5.1 THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE; HISTORY OF DOCTRINES ON LAW AND THE STATE

5.1.1 ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

5.1.1 ИЛМҲОИ НАЗАРИЯВӢ-ТАЪРИХИИ ҲУҚУҚӢ

5.1.1 THEORETICO-HISTORICAL-JURIDICAL SCIENCES

УДК 340.1

DOI 10.24412/3005-8023-2025-4-5-14

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
СООТНОШЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ
С НАРУШЕНИЕМ
СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ**

**МАСОИЛИ НАЗАРИЯВӢ-ҲУҚУҚИИ
ТАНОСУБИ ҲУҚУҚВАЙРОНКУНИЙ БО
ВАЙРОНКУНИИ ҲУҚУҚҲОИ
СУБЪЕКТИВӢ**

**THEORETICO-LEGAL ISSUES OF
RELATIONSHIP BETWEEN AN
OFFENSES AND A VIOLATION OF
SUBJECTIVE RIGHTS**

*Дадобоева Зарина Абдурасуловна,
ассистент кафедры теории и истории
государства и права ТГУПБП
(Худжанд, Таджикистан)*

*Дадобоева Зарина Абдурасуловна,
ассистент кафедраи назария ва
таърихи давлат ва ҳуқуқ ТГУПБП
(Хуҷанд, Тоҷикистон)*

*Dadoboeva Zarina Abdurasulovna, assistant
of the department of the theory and history of
state and law under the TSULBP (Khujand,
Tajikistan) e-mail: zarina.jaborova98@mail.ru*

Рассматривается соотношение понятий “правонарушение” и “нарушение субъективных прав” в контексте общей теории права, а также само понятие «субъективное право», и определяются его признаки. Обосновывается, что нарушение субъективных прав не всегда тождественно правонарушению, поскольку может выражать отклонение от правового состояния без признаков виновности. Предложено определение понятия “нарушение субъективных прав” и уточняется различие между правонарушением и нарушением субъективных прав.

Ключевые слова: правонарушение, субъективное право, нарушение субъективных прав, виды нарушения субъективных прав

Таносуби байни мағұмҳои “ҳуқуқвайронкунӣ” ва “вайронкунии ҳуқуқҳои субъективӣ” дар заманаи назарияи умумии ҳуқуқ баррасӣ ва ҳамчунин худи мағұми “ҳуқуқи субъективӣ” ва аломатҳои он муайян карда шудааст. Асоснок шудааст, ки вайронкунии ҳуқуқҳои субъективӣ на ҳамеша бо ҳуқуқвайронкунӣ ҳаммаъно аст, зеро он метавонад дуршавӣ аз ҳолати ҳуқуқиро бе нишинаҳои гунаҳкорӣ ифода кунад. Таърифи мағұми “вайронкунии ҳуқуқҳои субъективӣ” пешинҳод гардида, фарқи байни ҳуқуқвайронкунӣ ва вайронкунии ҳуқуқҳои субъективӣ муайян карда шудааст.

Калидовожаҳо: ҳуқуқвайронкунӣ, ҳуқуқи субъективӣ, вайронкунии ҳуқуқҳои субъективӣ, намудҳои вайронкунии ҳуқуқҳои субъективӣ

The article examines the relationship between the concepts of “offense” and “violation of subjective rights” in the context of the general theory of law, as well as the concept of “subjective right” itself and defines its characteristics. It is substantiated that the violation of subjective rights is not always identical to an offense, since it can express a deviation from the legal status without signs of guilt. A definition of the concept of “violation of subjective rights” is proposed and the difference between an offense and a violation of subjective rights is clarified.

Key-words: *offense, subjective right, violation of subjective rights, types of violation of subjective rights*

Актуальность исследования продиктована устойчивой проблемой научно-правовой доктрины: терминологическим и категориальным перекрытием понятий «правонарушение» и «нарушение субъективных прав». На практике и в теории встречаются две линии: первая видит в нарушении субъективного права основание для гражданско-правовой защиты и приравнивает его к правонарушению как юридическому факту, влекущему ответственность; вторая удерживает разграничение, признавая, что не каждое нарушение субъективного права образует правонарушение в узком (наказуемом) смысле, особенно когда речь идёт о публично-правовых санкциях или общественной опасности. Это порождает методологическую неопределенность при квалификации деяний и выборе способов защиты. Необходим системный анализ понятий, их элементов и соотношения, опирающийся на классические работы по теории права и на современные исследования института субъективного права и ответственности. Общая методология — системно-структурный и сравнительно-правовой анализ, опирающийся на доктринальные источники и действующие правовые положения.

В современной юридической науке категория *правонарушение* традиционно рассматривается как центральное звено системы правового регулирования, служащее отправной точкой для анализа вопросов ответственности, правопорядка и законности. Правонарушение выступает в качестве противоправного поведения, нарушающего требования правовых норм, причиняющего вред общественным отношениям и влекущего юридическую ответственность. Вместе с тем, наряду с понятием *правонарушение*, в доктрине и практике всё более широко используется категория «нарушение субъективных прав», которая отражает уже не столько характеристику поведения правонарушителя, сколько состояние лица, чье субъективное право оказалось ущемлённым или невостребованным в силу антисоциального поведения других участников общественных отношений.

При этом в науке и правоприменительной практике наблюдается тесная взаимосвязь и одновременно различие между указанными понятиями. С одной стороны, нарушение субъективного права в большинстве случаев является следствием правонарушения, т.е. деяния, противоречащего закону. С другой стороны, далеко не каждое нарушение права отдельного лица может быть квалифицировано как правонарушение в строгом юридическом смысле. Данный тезис требует детального рассмотрения.

Методологические исходные позиции: понятия и элементы

Классическое определение правонарушения содержится в трудах С.С. Алексеева, который указывал, что правонарушение – это «виновное противоправное деяние деликтоспособного субъекта, причиняющее вред охраняемым законом общественным отношениям и влекущее юридическую ответственность» [1. с. 114]. Эта позиция получила дальнейшее развитие в работах В.Н. Кудрявцева, М.И. Байтина, Ю.А. Тихомирова и

других авторов.

Основными признаками правонарушения признаются:

1. **Противоправность** – несоответствие поведения требованиям закона.
2. **Общественная вредность** – способность причинять ущерб общественным отношениям.
3. **Виновность** – наличие психического отношения субъекта к совершенному деянию (умысел или неосторожность).
4. **Деликтоспособность** субъекта – способность лица осознавать значение своих действий и руководить ими.
5. **Юридическая ответственность** – наступление неблагоприятных последствий, закреплённых в законе.

Таким образом, правонарушение – это категория, связанная, прежде всего, с характеристикой поведения лица, нарушающего нормы права.

Субъективное право понимается в современной юридической доктрине как мера возможного поведения, закреплённая и охраняемая правом, позволяющая субъекту требовать от других лиц определённого поведения или воздержания от него; оно характеризуется содержанием (преференции, полномочия, запреты), субъектным составом и юридическим обеспечением. Важная доктринальная линия подчёркивает, что осуществление субъективного права может предполагать как позитивное действие, так и воздержание, и что границы осуществления права определяются юридическими и моральными рамками [9].

Определение понятия «субъективное право» в юридической литературе является спорным. Э.И. Иванов выделяет три группы определений теории субъективного права [9]. В первую группу входят сторонники теории отрицательного содержания субъективного права, которые рассматривают субъективное право прежде всего как средство обеспечения управомоченному определенного поведения обязанного лица [5; 10; 11]; вторая группа придерживается теории положительного содержания субъективного права, члены которой усматривают существование субъективного права в поведении, дозволенном правопорядком самому управомоченному лицу [4, с. 34]; представители третьей группы являются сторонниками комбинационной теории, которые подчеркивают, что для субъективного права одинаково важно как поведение, дозволенное управомоченному, так и поведение, предписанное обязанному [2, с. 108].

Н.И. Матузов определяет субъективное право как «гарантируемые законом вид и мера возможного или дозволенного поведения лица, а юридическая обязанность – как вид и мера должного или требуемого поведения» [14, с. 528].

Таким образом, субъективное право представляет собой установленную законом возможность определенного поведения, направленного на удовлетворение интересов управомоченного лица. Данная возможность носит многогранный характер и включает несколько взаимосвязанных элементов. Очень интересно замечание Г. Ф. Шершеневича, который отметил, что «субъективное право есть власть осуществлять свой интерес» [19, с. 752].

Во-первых, субъективное право предусматривает возможность положительного поведения самого управомоченного лица, то есть реализацию права посредством собственных действий.

Во-вторых, оно выражается в возможности требовать от обязанного лица совершения определенных действий или воздержания от них, что отражает аспект права-требования.

В-третьих, субъект надеется возможностью прибегнуть к защите своих прав посредством обращения в компетентные государственные органы в случае их нарушения или невыполнения обязанной стороной своих обязательств.

В-четвёртых, субъективное право включает возможность использования определенного социального блага в соответствии с законом и назначением данного права.

Таким образом, субъективное право может проявляться в виде права на собственное поведение, права-требования, права-притязания и права-пользования. Чтобы глубже понять сущность субъективного права, необходимо определить его признаки.

Субъективное право не возникает само по себе, для его появления требуется определенное основание – юридический факт, с возникновением которого устанавливается соответствующее правоотношение. Содержание любого правоотношения выражается в совокупности прав и обязанностей участников, при этом субъективное право отражает ту часть, которая предоставляет субъекту возможность действовать определенным образом.

На основе анализа всего изложенного выделим следующие признаки субъективного права:

1. Отражение в норме права

Субъективное право закрепляется в диспозиции конкретной нормы закона, то есть оно не существует вне системы объективного права. Норма выступает юридическим основанием, из которого субъективное право черпает своё содержание и легитимность.

2. Возможность поведения лица

Субъективное право представляет собой предоставленную законом возможность определённого поведения управомоченного субъекта. Лицо может воспользоваться правом по собственному усмотрению либо отказаться от его реализации, если это не противоречит закону.

3. Мера возможного поведения

Субъективное право выражает установленную законом меру свободы, в рамках которой субъект может действовать в собственных интересах. Тем самым определяется граница между дозволенным и запрещённым поведением.

4. Ограниченностъ интересами других лиц и законом

Реализация субъективного права не может нарушать прав и законных интересов других субъектов. Закон устанавливает пределы осуществления прав, обеспечивая баланс между индивидуальной свободой и общественными интересами.

5. Связь с обязанностями других лиц

Каждому субъективному праву корреспондируется юридическая обязанность другого участника правоотношения — действовать определённым образом, не препятствовать или, напротив, способствовать осуществлению данного права.

6. Осуществление в интересах управомоченного лица

Субъективное право принадлежит конкретному субъекту и реализуется исключительно в его интересах, что придаёт ему персонализированный характер.

7. Тесная связь с объективным правом

Субъективное право является формой проявления норм объективного права на индивидуальном уровне. Оно неразрывно связано с правопорядком и отражает конкретизацию общих правовых предписаний в отношении конкретного лица.

Таким образом, субъективное право — это индивидуализированная, юридически закреплённая мера возможного поведения, направленная на удовлетворение интересов управомоченного лица. Его признаки демонстрируют единство свободы и обязанности, а также связь частных интересов с требованиями объективного права.

Аналитическое сопоставление: общие черты и различия

Исторически проблема нарушения субъективных прав получила развитие ещё в римском праве, где понятие *iniuria* охватывало всякое противоправное действие, затрагивающее личность или имущество другого лица.

И правонарушение, и нарушение субъективных прав связаны с фактом нарушения

юридической нормы и ущемлением интересов. Для гражданского права именно факт нарушения субъективного права служит основанием для предъявления требований о защите (восстановление положения, возмещение убытков, признание права, исполнение и т. п.), т.е. нарушение субъективного права функционирует как юридический факт для защиты [8].

При этом, по мнению О.С. Иоффе, нарушение субъективного права всегда выступает «объективированным фактом несоответствия фактических общественных отношений юридическим предписаниям» [10, с. 561]. Г.Ф. Шершеневич писал, что «правонарушения нет там, где действие человека остается в пределах дозволенного объективным правом, хотя бы при этом были нарушены законные интересы другого человека, обеспеченные предоставленным ему субъективным правом. С точки зрения того, чьи интересы страдают при этом, происходит как бы нарушение его права, потому что вторгаются в сферу его интересов, которые он привык считать охраняемыми его субъективным правом, но с точки зрения объективного права, допускающего такое нарушение и отнимающего на этот случай свою защиту, правонарушения нет, а имеется только нарушение интересов» [19, с. 698].

Проблема соотношения категорий «правонарушение» и «нарушение субъективных прав» является одной из наименее разработанных в современной юридической науке. Несмотря на то, что каждая из них имеет самостоятельное значение в теории права, в правоприменительной практике они нередко смешиваются, что ведёт к ошибкам в квалификации деяний, установлении вины и определении юридических последствий.

Нарушение субъективного права – противоправное действие или бездействие, при котором нарушаются реализуемое субъективное право управомоченного лица: либо не удовлетворяется требование законного содержания права, либо нарушается возможность пользования правом, либо прерывается защита со стороны государства.

Каждое правонарушение по своей природе предполагает нарушение какого-либо субъективного права (например, права собственности, личных нематериальных благ, правовой защиты). Это связано с тем, что право, признаваемое субъективным, устанавливает допустимые рамки поведения; когда эти рамки переступаются, возникает нарушение. Г.Ф. Шершеневич, указывает, что «всякое правонарушение есть нарушение субъективного права» [19, с. 698].

Спорные вопросы и научные позиции

Одна из доктринальных линий утверждает, что именно нарушение субъективного права является универсальным основанием для гражданско-правовой ответственности и в публично-правовой плоскости оно трансформируется в правонарушение лишь при наличии дополнительных признаков (общественная опасность и т. п.). Такая позиция помогает унифицировать понятие «юридический факт», но рискует нивелировать специфику публичного контроля [7, с. 346].

Доктрина подчёркивает принцип «пределы осуществления субъективных прав»: реализация права не должна превращаться в злоупотребление, нарушающее права других; такие пределы служат критерием разграничения допустимого осуществления права и противоправности. В.П. Грибанов и другие исследователи подробно проанализировали границы осуществления прав и их связь с ответственностью за злоупотребление правом. Это позволяет выделить границу, где осуществление субъективного права утраивает легитимность и переходит в правонарушение.

Другая линия защищает автономию понятий: правонарушение — самостоятельная категория, в основе которой лежат требования публично-правовой защиты, и не всякое нарушение субъективного права автоматически попадает в её поле. Эта позиция более аккуратно соотносит санкции и функции ответственности.

С позиции автора статьи, нарушение субъективного права не всегда влечёт

юридическую ответственность или квалифицируется как правонарушение: если отсутствует вина, если действует освобождение от ответственности по закону, либо деяние не переполняет нормативного состава правонарушения (например, если нет общественно значимого вреда и др.).

И.В. Маштаков и Н.В. Бестужева к видам нарушения субъективных прав относят: деяния лица, находящегося в состоянии необходимой обороны, в состоянии крайней необходимости, выполняющего свою служебную обязанность, нарушение субъективных прав с согласия самого заинтересованного лица [16].

Итак, правонарушение отсутствует, когда охраняемые правом интересы лица нарушаются другим субъектом, действующим в состоянии необходимой обороны. Под необходимой обороной понимается причинение вреда посягающему в целях защиты своих или чужих прав и законных интересов. Конституция Республики Таджикистан закрепляет неприкосновенность личности (ст. 5, 18, 22), которая охватывает не только физическую безопасность человека, но и защиту его жилища и имущества. Тем самым правомерность действий лица, защищающего указанные блага от неправомерного нападения, подтверждается самим законом. Роль определения права применения на необходимую оборону принадлежит уголовному закону (ст. 40 УК РТ).

К числу обстоятельств, исключающих противоправность деяния, относятся также случаи, когда вред причиняется при исполнении служебных обязанностей (например: действия пожарных, спасателей, медицинских работников, сотрудников правоохранительных органов). Особое значение имеет также причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Аналогично не признаются правонарушением действия лица, находящегося в состоянии крайней необходимости. Такое состояние возникает в исключительных ситуациях, когда для устранения непосредственной опасности, угрожающей самому субъекту или другим лицам, невозможно использовать иные средства (ст. 42 УК РТ).

Ещё одним обстоятельством, исключающим противоправность, является согласие лица, интересы которого затрагиваются. Согласие может устранивать противоправность действий, если лицо добровольно, осознанно и в пределах своей дееспособности выражает волю на причинение вреда своим интересам.

Так, Н.С. Таганцев отмечал, что согласие потерпевшего устраниет преступность посягательства на имущество, честь и целомудрие [18]. А.И. Санталов считал, что оно исключает противоправность, если касается интересов, находящихся в свободном распоряжении лица [17]. Аналогичной позиции придерживался А.Н. Красиков, полагавший, что согласие на риск может быть общественно полезным, например при проведении научных экспериментов [13].

В.И. Михайлов выделяет признаки действительного согласия: 1) добровольность и осознанность; 2) наличие у лица права распоряжаться интересом, которому причиняется вред; 3) адресованность согласия конкретному лицу; 4) выражение в момент, предшествующий действию [15]. Отсутствие хотя бы одного признака исключает правомерность деяния. Согласие, полученное под давлением, обманом либо от недееспособного лица, не имеет юридической силы.

Таким образом, перечисленные категории деяний – действия в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости, исполнении служебного долга и при наличии согласия заинтересованного лица – нарушают субъективные права, но не являются правонарушениями. Их общим признаком является осознанное волевое действие, причиняющее вред, однако, в отличие от правонарушения, такое действие не противоречит

нормам права и признается правомерным. В одних случаях законом предусматривается возмещение вреда, а в других – субъект освобождается от такой обязанности.

Нарушение субъективного права является не только юридическим последствием деяния, но и самостоятельным правовым феноменом, требующим особых мер защиты и восстановления нарушенного положения.

В ходе исследования выявлены следующие проблемы определения нарушения субъективных прав:

1. Проблемы определения объёма субъективного права. Нечёткие границы субъективного права (что именно включается в объём права) могут создавать трудности в квалификации нарушения. Например, в сфере права собственности часто возникает вопрос: где проходит граница между правомерным использованием имущества и злоупотреблением правом, нарушающим интересы других лиц? Так, собственник жилого помещения имеет субъективное право пользоваться им по своему усмотрению, однако использование квартиры для деятельности, создающей шум, загрязнение или препятствие соседям, формально находится в пределах права собственности, но фактически нарушает права других субъектов. В таких случаях наблюдается конфликт субъективных прав, который не всегда можно квалифицировать как правонарушение в строгом смысле. Подобные ситуации показывают, что объём субъективного права должен определяться не только через закон, но и через пределы его осуществления, установленные нормами разумности, справедливости и добросовестности [6].
2. Вопросы доказательности вины. Субъективная сторона – вина – ключевой элемент, однако часто возникают споры, каким образом должна быть доказана вина, особенно когда мотивы и цель сложно установить документально или процессуально.
3. Различие между нарушением субъективных прав и юридически квалифицированным правонарушением. Не каждое нарушение прав на практике признаётся правонарушением в юридическом смысле: отсутствует состав, нет вреда, нет ответственности. Например, неисполнение моральных обязательств может нарушать субъективное право, но не вызывать привлечения к ответственности.
4. Защита субъективных прав. Механизмы защиты – судебные, административные, через государственные органы – могут быть «узкими» или неэффективными. Иногда законодательство не предусматривает надлежащей ответственности, либо процессуальные барьеры мешают защите.

В современных условиях важно разграничивать понятия «правонарушение» и «нарушение субъективного права», поскольку последнее может существовать и при отсутствии субъективной вины, а следовательно, вне состава правонарушения. Аналогичную позицию занимает Н.В. Бестужева, которая предлагает классифицировать нарушения субъективных прав по их правовой природе, последствиям и степени вины нарушителя [3]. Её подход позволил рассматривать нарушение субъективного права как комплексный правовой феномен, охватывающий не только противоправные действия, но и фактические состояния, при которых возможности лица по реализации своих прав оказываются ограниченными или утрачиваются.

Таким образом, современная юридическая наука постепенно переходит от классической поведенческой модели правонарушения к более широкой концепции, включающей анализ статуса упражмоченного лица и характера нарушения его субъективных прав. Это требует уточнения базовых понятий, пересмотра критерии правомерности и противоправности, а также разработки новых механизмов правовой защиты.

Нарушение субъективных прав — это юридически значимое противоправное или объективно неправомерное состояние, возникающее вследствие действия, бездействия или

правовой коллизии, которое приводит к ограничению, приостановлению либо утрате управомоченным лицом возможности реализовать своё субъективное право в полном объёме и требует применения механизмов правовой защиты и восстановления нарушенного положения.

В заключение следует отметить, что категории «правонарушение» и «нарушение субъективных прав» тесно взаимосвязаны, но не тождественны. Нарушение субъективного права всегда индивидуализировано и выражается в лишении лица возможности реализовать принадлежащие ему правомочия. Однако для признания такого деяния правонарушением необходимо наличие признаков противоправности, виновности и причинной связи между действием и наступившими последствиями.

Тем самым, не каждое нарушение субъективного права является правонарушением, поскольку в ряде случаев (необходимая оборона, крайняя необходимость лица, выполняющего служебную обязанность, нарушение субъективных прав с согласия самого заинтересованного лица) вред причиняется правомерно и не влечёт юридической ответственности. Следовательно, нарушение субъективных прав представляет собой частный случай правонарушения, но при отсутствии противоправности оно не порождает деликтных последствий.

Таким образом, нарушение субъективных прав следует рассматривать как фактическое состояние нарушения правомочия, не всегда сопряжённое с юридическим составом правонарушения.

Содержание данного феномена шире, чем понятие «правонарушение», поскольку включает правомерные формы причинения вреда, обусловленные действием принципов необходимой обороны, крайней необходимости, допустимого риска, согласия лица и иных обстоятельств, исключающих противоправность.

Следовательно, институт нарушения субъективных прав требует самостоятельного научно-правового осмысления. Необходимая оборона, крайняя необходимость, действия лица, выполняющего служебную обязанность, нарушение субъективных прав с согласия самого заинтересованного лица не содержат в себе признаков противоправности, а потому не образуют состава правонарушения. Однако указанные деяния неизбежно приводят к фактическому ограничению или лишению субъективного права, что позволяет квалифицировать их как особый вид *правомерных нарушений субъективных прав*, находящихся за пределами классического состава правонарушения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеев С.С. *Общая теория права*. В 2 т. – Москва: Юридическая литература, 1982 / С.С. Алексеев. – 360 с.
2. Александров Н.Г. *Законность и правоотношения в советском обществе*. – Москва: Госюриздан, 1955 / Н.Г. Александров. – 176 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://lawlibrary.ru/izdanie15891.html> (дата обращения: 06.10.2025).
3. Бестужева Н.В. *Современное состояние и развитие правовой законности в Российском государстве*: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.01 / Бестужева Н.В. – Кострома, 2008. – 279 с.
4. Братусь С.Н. *О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав* / С.Н. Братусь // Советское государство и право. – Москва: Наука, 1949. – № 8. – С. 33–35. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://naukaprava.ru/catalog/297/560954/41056/> (дата обращения: 06.10.2025).
5. Вильянский С.И. *Лекции по советскому гражданскому праву* / отв. ред. А.И. Рогожин. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1958. – Ч. 1. – 359 с.

6. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 01.07.23. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://sud.tj> (дата обращения: 06.10.2025).
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Осуществление и защита гражданских прав. / В.П. Грибанов. – Москва: Статут, 2000. – 411 с.
8. Дерюгина Т.В. Догматика содержания субъективного права и проблемы его судебной защиты / Т.В. Дерюгина // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. - 2021. - №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogmatika-soderzhaniya-subektivnogo-prava-i-problemy-ego-sudebnoy-zaschity> (дата обращения: 15.10.2025).
9. Иванов Э.И. Теория субъективного права / Э.И. Иванов // Марийский юридический вестник. – 2011. - № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-subektivnogo-prava> (дата обращения: 12.10.2025).
10. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе // Избранные труды по гражданскому праву. – Москва: Статут, 2000. – 561 с.
11. Кечекян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М.С. Строгович. – Москва: Изд-во АН СССР, 1958. – 185 с.
12. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. – Москва: Наука, 1976. – 286 с.
13. Красиков А.Н. Правомерный риск и согласие потерпевшего как обстоятельства, исключающие противоправность действия / А.Н. Красиков // Журнал российского права. – 2019. - №12. – С. 111-118.
14. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 528 с.
15. Михайлов В.И. Обстоятельства, исключающие противоправность: теория и практика. – Москва: Юрлайнформ, 2020. – 239 с.
16. Маштаков И.В. Сравнительно-правовая характеристика правонарушений: дис. ... канд. юр. наук 12.00.01 / И.В. Маштаков. – Тольятти, 2005. – 202 с.
17. Санталов А.И. О согласии потерпевшего в уголовном праве / Санталов А.И. // Правоведение. – 2015. - №4. – С. 56-62.
18. Таганцев Н.С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н.С. Таганцев. – Москва: Юрайт, 2025. – 414 с. (Аналогия мысли). - ISBN 978-5-534-08170-1 / Текст: электронный // Образовательная платформа «Юрайт» [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/565188> (дата обращения: 07.10.2025).
19. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – Москва: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.

REFERENCES:

1. Alekseev, S. S. (1982). General Theory of Law (Vols. 1–2). Moscow: Juridicheskaya Literatura, PP. 360.
2. Alexandrov, N. G. (1955). Legality and Legal Relations in Soviet Society. Moscow: Gosyurizdat, PP. 176. [Electronic resource]. Available at: <https://lawlibrary.ru/izdanie15891.html> (date of appeal: October 06, 2025).
3. Bestuzheva, N. V. (2008). The Current State and Development of Legal Legality in the Russian State (PhD Dissertation, 12.00.01). Kostroma, PP. 279.
4. Bratus, S. N. (1949). On the Correlation between Civil Legal Capacity and Subjective Civil Rights. Soviet State and Law. Moscow: Nauka, No. 8, PP. 33–35. [Electronic resource]. Available at: <https://naukaprava.ru/catalog/297/560954/41056/> (date of appeal: October 06, 2025).
5. Vilnyansky, S. I. (1958). Lectures on Soviet Civil Law (Ed. A. I. Rogozhin). Kharkiv: Kharkiv University Press, Part 1, PP. 359.
6. Civil Code of the Republic of Tajikistan, as of 1 July 2023. [Electronic resource]. Available at: <https://sud.tj> (date of appeal: October 06, 2025).

7. Gribanov, V. P. (2000). *Exercise and Protection of Civil Rights*. Moscow: Statut.
8. Deryugina T. V. *Dogmatics of the Content of Subjective Rights and problems of its Judicial Protection* // Moscow University Bulletin. Series 11. Law. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogmatika-soderzhaniya-subektivnogo-prava-i-problemy-ego-sudebnoy-zaschity> (date of appeal: 15.10.2025).
9. Ivanov, E. I. (2011). *Theory of Subjective Right*. Bulletin of Mari State University Law, No. 8. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-subektivnogo-prava> (date of appeal: October, 12 2025).
10. Ioffe, O. S. (2000). *Legal Relationship under Soviet Civil Law*. In: *Selected Works on Civil Law*. Moscow: Statut, PP. 561.
11. Kechekyan, S. F. (1958). *Legal Relations in Socialist Society* (Ed. M. S. Strogovich). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, PP. 185.
12. Kudryavtsev, V. N. (1976). *Causes of Offenses*. Moscow: Nauka, PP. 286.
13. Krasikov, A. N. (2019). *Lawful Risk and the Consent of the Victim as Circumstances Excluding Wrongfulness of the Act*. Journal of Russian Law, No. 12, PP. 111–118.
14. Matuzov, N. I. & Malko, A. V. (2016). *Theory of State and Law: Textbook* (4th ed., rev. and enl.). Moscow: Delo Publishing House, RANEPA, 528 pp.
15. Mikhailov, V. I. (2020). *Circumstances Excluding Wrongfulness: Theory and Practice*. Moscow: Yurlitinform.
16. Mashtakov, I. V. (2005). *Comparative-Legal Characteristics of Offenses* (PhD Dissertation, 12.00.01). Tolyatti, PP. 202.
17. Santalov, A. I. (2015). *On the Consent of the Victim in Criminal Law*. Pravovedenie, No. 4, PP. 56–62.
18. Tagantsev, N. S. (2025). *Russian Criminal Law* (in 2 Parts). Part 1. Moscow: U-write Publishing House, 414 pp. (Series: *Analogy of Thought*). ISBN 978-5-534-08170-1. [Electronic resource]. Available at: <https://urait.ru/bcode/565188> (date of appeal: October 07, 2025).
19. Shershenevich, G. F. (1911). *General Theory of Law*. Moscow: Publishing house of Br. Bashmakov, 698 pp.